

салиме были реализованы лишь частично, а именно: учреждением должности ученого-корреспондента Историко-филологического отделения Академии наук в Риме. Создание и курирование отечественных гуманитарных учреждений за границей стало новой функцией Академии наук на рубеже XIX–XX вв. План организации за рубежом широкой сети институтов, в том числе для изучения памятников древности, предложенный Академией наук в 1919 г., принадлежал скорее к области научной фантастики.

PROJECTS OF RUSSIAN ARCHAEOLOGICAL INSTITUTES ABROAD

Ye. Yu. Basargina

The author tells about five projects aimed at founding Russian archaeological institutes in Istanbul (Constantinople), Athens, Rome, Jerusalem and world's greatest capitals in the late 18th – early 20th century. She shows that of all those projects initiated by Russian scholars, diplomats and politicians only one was realized, namely the Russian Archaeological Institute in Constantinople which existed in 1894–1914 and greatly contributed to the study of ancient and Christian history on the Balkan Peninsula and in Asia Minor. WWI and the Bolshevik revolution put an end to this institute and frustrated the projects concerning the foundation of similar institutes in Athens, Rome and Jerusalem. In the author's opinion, the project to create a network of research institutions abroad put forward by the Russian Academy of Sciences in 1919 could only be unrealistic under the circumstances.

© 2008 г.

И. В. Тункина

О СУДЬБЕ КНИГИ АКАДЕМИКА В.П. БУЗЕСКУЛА «ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И ЕЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ В РОССИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.»*

(К 150-летию со дня рождения)

Историк-энциклопедист, всю свою жизнь отдавший Харьковскому университету, академик Российской академии наук и Всеукраинской академии наук Владислав Петрович Бузескул (1858–1931) занимает особое место в русской историографии всеобщей истории. Его наиболее значительные труды посвящены не только истории и историографии античности, главным образом древней Греции, но и истории Европы средневековья и нового времени, истории археологических, эпиграфических, папирологических открытий. Бузескул не только сам оценил значение дисциплин, традиционно считавшихся вспомогательными, но и «приложил много усилий для... воспитания у нового поколения историков принципиально иного взгляда на методы исследования»¹, так как его эпоха обогатила историческую науку открытием огромного числа новых источников. Он счастливо избежал участи односторонней специализации – профессиональной ограниченности, мешающей широкому взгляду на историю. Этому способствовали исключи-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 06-06-80283а, и РГНФ, проект № 08-01-91113а.

¹ *Исаева В.И.* В.П. Бузескул: историк, политолог, просветитель (Аналитический обзор) // История европейской цивилизации в русской науке. Античное наследие. Сб. обзоров. М., 1991. С. 110.

тельная эрудиция и начитанность В.П. Бузескула, поражавшая даже его коллег. «Сколько вообще было прочитано В.П. на своем веку книг и статей, в особенности касающихся истории, это трудно было бы исчислить», – писал академик С.А. Жебелёв, по праву считавший Бузескула «первым знатоком русской исторической литературы XIX и XX в.»².

После Октября 1917 г. Бузескул оказался среди тех представителей интеллигенции, кто не покинул родину и встал на путь сотрудничества с советской властью, внося весомый вклад в дело культурного строительства новой России. В годы лихолетья его «спасла работа»: он увлекся темой об открытиях XIX и начала XX века в области истории древнего мира и написал об этом книгу³. В 1922 г. заслуги Бузескула были по достоинству оценены высшим научным учреждением страны – он был избран действительным членом Российской АН по Историко-филологическому отделению, членом-корреспондентом которого он стал еще в 1910 г. Летом 1922 г., во время приезда в Петроград, Бузескул лично познакомился с крупнейшим историком античности, профессором С.А. Жебелёвым, ставшим ему близким другом. Именно Жебелёв после смерти Бузескула стал фактическим душеприказчиком научного наследия харьковского академика и приложил все усилия для перевозки его архива в Ленинград.

Последние годы жизни Бузескула были связаны с работой над фундаментальным трудом по истории науки – «Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века»⁴, который рассматривался автором как итог его 50-летней научной

² Жебелёв С.А. Владислав Петрович Бузескул. Некролог // Известия АН СССР. 1931. Отд. обществ. наук. № 10. С. 1070–1071.

³ Бузескул В.П. Открытия XIX и начала XX в. в области истории древнего мира. Ч. 1. Восток. Пг., 1923; Ч. 2. Древнегреческий мир. Пг., 1924.

⁴ Он же. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Ч. 1 (Труды Комиссии по истории знаний АН СССР. Вып. 7). Л., 1929. Ч. 2. Л., 1931.

деятельности. Эта книга, вышедшая летом 2008 г. в полном виде в издательстве «Индрик», имела непростую судьбу.

В 1925 г. Бузескул писал Жебелёву: «Мною часто овладевает тоска, уныние, и руки опускаются при сознании, как трудно следить теперь за тем, что делается на Западе в области науки, и как за истекшие годы отстал я, а наверстать – нет возможности! Но я стараюсь бороться с таким унынием, отхожу мало помалу от греческой истории, где разобщенность с Западом особенно чувствуется, и погружаюсь в область – тоже давно мною излюбленную – в область историографии, где такое разобщение не столь чревато последствиями»⁵. Мысль написать обобщающий труд «об исторической науке и ее представителях» оформилась у Бузескула к концу 1924 г.: «Приходится перечитывать массу из читанного когда-то еще в молодости, чтобы возобновить в памяти. Но все более и более теряю надежду на то, что моя книжка, если даже и будет написана, увидит свет: ведь марксистского подхода не будет, экономический базис не будет подведен в требуемой мере. Следовательно, и цензура отнесется отрицательно, и издателя не найдется. Разве после моей смерти останется рукопись!», – пророчески писал ученый⁶. «Очень жалко, что нельзя писать так, как хотелось бы и как должно, не стесняясь масштабом, размерами и не имея в виду цензуру»⁷.

В 1925 г. широко отмечался 200-летний юбилей Российской академии наук, переименованной в АН СССР. Ряд академиков, в том числе В.П. Бузескул, 13 июля были избраны действительными членами Всеукраинской АН. Тем не менее Наркомпрос УССР отозвал В.П. Бузескула в командировку в Ленинград на юбилейные празднования. «Между нами говоря, “украинцы” чрезвычайно болезненно воспринимают превращение “Российской” Академии во “Всесоюзную”, как и надо было ожидать. Задают вопрос: каково же теперь положение киевской Академии наук?», – писал Бузескул непременно секретарю АН СССР академику С.Ф. Ольденбургу⁸. Ученого смущали и пугали крайние проявления украинского национализма и русофобии в деятельности Всеукраинской АН, политика бездумной и нередко насильственной украинизации в УССР. «Не могу не поделиться с Вами – частным образом, совершенно откровенно – какие затруднения может испытывать русский, вошедший в состав Украинской Академии. В полученном мною теперь “Статуте” ее один из параграфов (§ 21) гласит, что все издания Академии печатаются обязательно на украинском языке; в случае желания автора Академия печатает тот же труд одновременно на одном из следующих 5 языков: немецком, французском, итальянском, английском, латинском. Русский язык тут не значится!»⁹. Пять лет спустя в одном из писем Жебелёву Бузескул недоумевал: «Кстати, об Украинской Академии наук: в ней нет такой специальности, как русская история, и когда я не так давно в разговоре с Д.И. Багалеем употребил выражение “русские историки”, он меня поправил, сказав: “у нас нет *русских* историков, есть только украинские»¹⁰.

В 1927 г. Бузескул был приглашен принять участие в работах Комиссии по истории знаний (КИЗ) АН СССР под руководством В.И. Вернадского. Харьковский академик сначала обязался представить в КИЗ очерк «разработки греческой истории в России», но затем предпочел написать целую книгу о развитии отечественной всеобщей истории, которая могла «составить отдельное, вполне самостоятельное целое»¹¹. До революции 1917 г. в России была создана гуманистика европейского уровня, оказавшая влияние на развитие мировой научной мысли во многих областях знаний, включая целый ряд дисциплин историко-филологического цикла (антиковедение, византиноведение, славяно-

⁵ ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 161. Л. 48.

⁶ Там же. Л. 31–31 об.: письмо Жебелёву 11 февраля 1925 г.

⁷ Там же. Л. 39–39 об.: письмо Жебелёву 14 апреля 1925 г.

⁸ ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 147. Л. 48–48 об.: письмо Ольденбургу 14 августа 1925 г.

⁹ Там же. Л. 53 об.–54 об.: письмо Ольденбургу 21 декабря 1925 г.

¹⁰ Там же. Ф. 729. Оп. 2. Д. 166. Л. 30–30 об.: письмо Жебелёву 5 июня 1930 г. Здесь и далее курсивом выделены подчеркнутые авторами цитируемых писем слова.

¹¹ ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 163. Л. 31 об., 38 об.–39; АРАН. Ф. 518. Оп. 3, Д. 201. Л. 3; ПФА РАН. Ф. 154. Оп. 1. Д. 1. Л. 280–281.

ведение, востоковедение, археология, история искусств и др.), и в известной мере определившая оригинальные черты отечественной науки. Это обстоятельство отчетливо осознавали и сами русские ученые, в частности Бузескул. Поэтому на свой труд он смотрел как «...на свой долг; говорят теперь, что у нас раньше науки не было. Надо показать, что она была и что сделано в России в области всеобщей истории (как и в других) немало»¹².

Предложение Бузескула об издании историографической монографии по отечественной всеобщей истории было принято КИЗ, однако автор считал нужным в 1927 г. предупредить Вернадского, что «...об изучении в России истории славянских народов я едва ли смогу говорить подробно, систематически... придется коснуться этого сравнительно кратко, ибо иначе это заставило бы чрезмерно расширить рамки, увеличить размеры книги; систематическая, подробная история славяноведения в России предмет большой и может служить темой для особого труда со стороны слависта»¹³. Но Вернадский все же убедил коллегу в необходимости включения в очерк разделов по истории византиноведения и славяноведения¹⁴, без которых общая картина исторических событий в России за два века оставалась бы неполной.

Бузескул с большим увлечением принялся за сбор материала и его осмысление. Такая черта его научного склада, как удивительная добросовестность и обстоятельность при разработке всякой темы, стремление исчерпать ее, по возможности, до конца в полной мере нашла отражение при написании глав по истории византиноведения и славяноведения, которые автор считал «ахиллесовой пятой» своей работы. Эта тематика была менее знакома ученому, и он с упорством и увлечением занялся изучением литературы. Практически за 10 месяцев 1928 г. была написана первая часть книги, посвященная начальному этапу науки всеобщей истории в России, с момента организации Петербургской академии наук в 1724 г. до 70-х годов XIX в. «Боюсь, что эта... работа окончательно погубит мое зрение... Не знаю, пройдет ли мне даром мой нынешний образ жизни, когда я сижу за работой ежедневно до второго часа ночи»¹⁵. Расплатой ученого за интенсивную научную работу стало стремительное ухудшение здоровья.

Главным вопросом, занимавшим Бузескула, стала возможность издания книги в изменившихся политических условиях. Сфера гуманитарной науки подвергалась все возрастающему идеологическому давлению и насильственному насаждению марксизма в духе вульгарно-социологизаторских подходов школы М.Н. Покровского. В 1927–1929 годах Академия наук переживала процесс «советизации» и обновления своего состава учеными-марксистами. Первым советским уставом 1927 г. была изменена не только структура АН СССР, ранее на две трети состоявшая из ученых-гуманитариев (членов отделений Историко-филологических наук и Русского языка и словесности), но и введены новые принципы выдвижения и выборов академиков. В 1928–1929 годах в советской печати развернулась кампания клеветы на «старых» членов АН СССР. Особенно болезненно Бузескул переживал оголтелую травлю Жебелёва в ходе его пресловутого «дела» (ноябрь 1928 – февраль 1929) из-за обвинений в публикации им в «*Seminarium Kondakovianum*» в Праге статьи «антисоветского» характера, посвященной памяти Я.И. Смирнова. Под давлением Отдела научных учреждений при СНК СССР Президиум АН принял постановление «о недопустимости участия советских ученых, а следовательно, и сотрудников АН СССР в каких-либо эмигрантских изданиях», признав публикацию Жебелёва неправильной. Сергею Александровичу пришлось публично покаяться и отречься «от белоэмигрантов и от своего бывшего друга М.И. Ростовцева», что спасло его от изгнания из Академии¹⁶. Научное сообщество не сумело противостоять

¹² Там же. Ф. 729. Оп. 2. Д. 163. Л. 73 об., 79: письма Жебелёву от 8 и 17 ноября 1927 г.

¹³ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 201. Л. 2: письмо Вернадскому 28 октября 1927 г.

¹⁴ ПФА РАН. Ф. 154. Оп. 1. Д. 32. Л. 91.

¹⁵ ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 164. Л. 4, 9 об., 64, 76: письма Жебелёву 14 августа и 21–22 ноября 1928 г.

¹⁶ Подробнее см. *Тункина И.В.* «Дело» академика С.А. Жебелёва // *Древний мир и мы. Классическое наследие в Европе и России. Альманах. Вып. 2.* СПб., 2000. С. 116–161.

давлению партийно-государственной машины и подчинилось диктату свыше, особенно после «академического дела» или «дела историков» (1929–1931 гг.), повлекшего за собой аресты десятков ученых-гуманитариев, массовые чистки в академических учреждениях и реорганизацию главного научного учреждения страны.

В такой обстановке публикация книги Бузескула становилась все более и более проблематичной. Летом 1928 г., еще до событий, связанных с «делом» Жебелёва, он сетовал: «Мало надеюсь, что моя книга... будет издана Академией [...] В академическом издательстве дефицит. “История [римской. – И.Т.] религии” И.В. Нетушила¹⁷ не может быть напечатана за неимением средств; не будет, вероятно, напечатана и моя книга, зато я получил на днях изданный Академией “Указатель литературы по ирригации и мелиорации среднеазиатских республик и Казахстана”, – книжку в 200 с лишним страниц. На это деньги находятся!»¹⁸. Несмотря на минимальную надежду публикации «наших», как он выражался, работ, ученый включил в книгу раздел об изучении древнего Востока, «дабы иметь право назвать» ее «Наука всеобщей истории в России в XIX и в начале XX в.»¹⁹.

В феврале 1929 г. В.П. Бузескул приступил к написанию второй части, хотя его сомнения относительно судьбы книги еще более усилились после избрания ряда ученых-коммунистов в АН СССР. «Вы пишете, – сообщал он Жебелёву, – что... я не должен тревожиться за свою II часть. Но ведь она говорит о “достижениях” “буржуазной” науки; в ней нет требуемого “подхода”, нет марксистской точки зрения! Она может считаться не только бесполезной, но даже вредной!»²⁰.

Состояние здоровья, невозможность ежедневного участия в деятельности высшего научного учреждения страны, коренные изменения в самой АН СССР, выразившиеся в арестах и травле ученых «старой школы», заставили Бузескула всерьез задуматься об уходе из Академии. 8 марта 1929 г. он откровенно написал об этом С.Ф. Ольденбургу, прося дружеского совета. «Меня давно уже тяготит сознание... что я не исполняю надлежащим образом обязанностей академика... Теперь наступил новый период в жизни Академии [...] Я сознаю, что для меня настала пора уйти из Академии, уступить место новым, свежим силам, тем более, что теперь требуются лица иных научных воззрений, иных направлений, чем те, которых держался я в течение своей предшествующей деятельности и которые менять поздно, и не пристало [...] Итак, я решил – как это мне ни больно – расстаться с Академией и перейти, если можно, на пенсию». Ответ Ольденбурга несколько успокоил «мятущуюся совесть» Бузескула, и тем не менее у него оставалось «сознание малой моей пригодности при данных условиях, при новых требованиях»²¹. К счастью, в тот момент благодаря уговорам друзей и коллег здравый смысл взял верх, и официального прошения об отставке Бузескул не подал, но свое намерение покинуть Академию он не оставил, собираясь выйти из ее состава сразу после завершения публикации «Всеобщей истории».

Свое научное и человеческое credo, взгляд на науку в целом и историческую науку в частности Бузескул сформулировал в речи, произнесенной в день 70-летия со дня рождения (1928 г.). По его убеждению, задача историка – искание истины, объективная реконструкция событий прошлого в том виде, в каком они происходили. Говоря о научном знании вообще, Бузескул с горечью осознания современного ему положения отечественной исторической науки, на его глазах превращавшейся в служанку политики власть предержащих, пишет: «Я считаю науку мировой силой, которая должна возвышаться над разного рода перегородами, разделяющими человечество, которая должна

¹⁷ Судьба рукописи И.В. Нетушила остается неизвестной, ее поиски в фондах ПФА РАН пока оказались безуспешны.

¹⁸ ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 164. Л. 56 об., 60 об.: письма С.А. Жебелёву 18 и 31 июля 1928 г.

¹⁹ Там же. Л. 62: письмо Жебелёву 17 марта 1929 г.

²⁰ Там же. Д. 165. Л. 17–17 об.: письмо 17 февраля 1929 г.

²¹ ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 147. Л. 102–104 об.: письмо Ольденбургу 22 марта 1929 г.

объединять его; она представляется мне как нечто самодовлеющее. Но спрашивается, разве не должна наука служить жизненным интересам, благу человечества? Да. Должна служить, служить, но не прислуживаться [...] Наука лучше всего служит, когда остается верна себе, своему основному назначению; а это назначение – познание мира и человека, служение истине и правде. Изменяя своему назначению, наука становится бесполезной и даже приносит иногда вред»²².

Беспокоило Бузескула то обстоятельство, что он во «Всеобщей истории...» касался «запретных» сюжетов, в частности, приводил анализ научной деятельности политических эмигрантов и репрессированных ученых, т.е. высоко оценивал труды историков, «...о которых теперь говорят, не “клея их позором”», невозможно²³. К концу 1920-х годов ряд историко-филологических дисциплин, в том числе византиноведение и славяноведение, были объявлены вредными областями науки, пережитком «реакционного панславизма», орудием пропаганды православия и самодержавия. «Не знаю, что будет со II частью моей работы, если даже она увидит свет. Приходится ведь говорить о лицах и темах совсем не ко времени. Нельзя же обойти молчанием Н.П. Кондакова... М.И. Ростовцева или Вл. Ник. [Бенешевича. – И.Т.]. Я как раз сегодня написал о последнем. Я держусь правила: “ne quid falsi audeat, ne quid veri non audeat historia”²⁴, но к чему это приведет! Воображаю заранее... теперь о Византии и византинистах говорить неудобно... Конечно, много приходилось говорить о трудах, касавшихся церкви, житий и т.п. Думаю, не пропустят книги, а если пропустят, начнется травля. Да и размеры II части меня пугают... Выход может быть двойной: или сугубое сокращение, или разделение этой части на две книжки так, чтобы вся работа состояла не из 2, а из 3 частей. Пока печатать лишь две главы, а остальные две – о Византии и славянском мире (стоившие мне наибольшего труда и времени) – отложить до более благоприятного времени, когда, может быть, изменится точка зрения и здравый смысл возьмет верх над нелепостями»²⁵. Осенью 1929 г. работа над третьей частью была автором завершена.

Сообщив В.И. Вернадскому свои сомнения о судьбе второй части книги, разросшейся до 19 печатных листов, автор просил совета, стоит ли ее сокращать. Председатель КИЗ пытался внушить оптимизм Бузескулу: «Я... глубоко восхищаюсь Вашей энергией. Мне кажется, Ваша книга (и 1, и 2 части) оставит глубокий след и читается она очень легко... Ни в каком случае не следовало бы, мне кажется, сокращать Ваш труд – надо все усилия направить на то, чтобы издать *все*. С этой же точки зрения я рассматриваю и те ожидаемые затруднения, касающиеся истории славяноведения и византиноведения. Мне кажется, на них не надо обращать внимания и надо добиваться полного издания. Конечно, приходится считаться с обстоятельствами и может быть какие-нибудь – думаю мелочи – придется изменить, но в общем Академия не сможет существовать и давать то, чего от нее ждут, если она сама будет ограничивать проявление своей мысли. Я готов самым решительным образом защищать это положение и надеюсь, что опасаться нечего»²⁶. Но оптимизм Вернадского не оправдался. Первая часть книги Бузескула вышла в «Трудах КИЗ» под редакцией Вернадского в полном виде, печатание второй части было отложено на год под предлогом «неустойчивости», в которой находилось издательство из-за «перестройки аппарата Академии»²⁷. Намерение Вернадского выпустить вторую

²² См. Бузескул В.П. Речь в ответ на приветствия и доклады в заседании научно-исследовательской кафедры истории европейской культуры 1 апреля 1928 г. // Наукові записки. Праці науково-дослідчої кафедри історії європейської культури. Вип. 3. Харків, 1929. С. 7–9. Оригинал см. ПФА РАН. Ф. 825. Оп. 1. Д. 63.

²³ ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 166. Л. 12: письмо Жебелёву 16 марта 1930 г.

²⁴ Латинская цитата из Цицерона: «Да убоится история какой бы то ни было лжи, да не убоится она какой бы то ни было правды».

²⁵ ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 165. Л. 42, 55 об.–56 об.: письма Жебелёву 19 июля и 20 сентября/3 октября 1929 г.

²⁶ Там же. Ф. 825. Оп. 2. Д. 33. Л. 5, 5 об.: письмо Вернадского Бузескулу 20 октября 1929 г.

²⁷ Там же. Л. 9: письмо Вернадского Бузескулу 16 мая 1930 г.

часть как 11-й выпуск «Трудов КИЗ» было окончательно похоронено после реорганизации Комиссии по истории знаний, проходившей с апреля 1930 г. по январь 1931 г. Вернадский был фактически отстранен от руководства комиссией и заменен Н.И. Бухариным, а перед КИЗ были поставлены задачи изучения прежде всего истории естественных, технических и научно-прикладных дисциплин.

Бузескул очень тяжело переживал события 1930–1931 годов. «Настроение мое – тягостное, угнетенное... чувствуется, что висит над нами Дамоклов меч»²⁸. Он категорически отвергал попытки примитивизировать исторический процесс под лозунгами господствовавшего в исторической науке того времени социально-экономического направления, вульгаризованного его адептами до уровня марксистской политикекономии. В одном из писем Жебелёву Бузескул пересказал свои впечатления о докладе по восточному вопросу в Ассоциации востоковедения Всеукраинской АН, где «...докладчик старался охватить этот вопрос от начала Турецкой империи и до наших дней. Но объяснения и в докладе, и в дискуссии по поводу его давались весьма простые: все сводилось к торговым интересам; только и слышалось “торговый капитал”, “промышленный капитал”, “финансовый капитал”... Как прост и легко объясним исторический процесс! Счастливые люди! Они нашли ключ к его пониманию. Я завидую им»²⁹.

Разгром дореволюционной русской исторической науки стал неизбежен, и одной из его жертв оказался Бузескул. Коммунистическая академия при ЦИК СССР во главе с М.Н. Покровским провела в Москве (10 октября и 18 декабря 1930 г.) и Ленинграде (29 января 1931 г.) совместные совещания с Обществом историков-марксистов, посвященные теме «вредительства» старых буржуазных специалистов на «историческом фронте», борьбе с «хвостизмом» по отношению к буржуазной науке и с «реакционными поползновениями Академии наук». Главным идеологом травли инакомыслящих историков являлся М.Н. Покровский, постоянно цитировавшийся участниками дискуссии. Наряду с академиками С.Ф. Платоновым, Е.В. Тарле, Н.П. Лихачевым, В.В. Бартольд, С.А. Жебелёвым и другими учеными к «антимарксистского толка историкам» был отнесен и В.П. Бузескул. Так, вновь избранный академик Н.М. Лукин причислил харьковского профессора к стану историков-идеалистов, связанных с довоенным буржуазным либерализмом, а ученица Лукина Р.А. Авербух в своем выступлении голословно обвинила одного из «старейших представителей русской буржуазной исторической науки» в модернизации античности, враждебности к марксизму и игнорировании его вклада в историографию всеобщей истории, в «методологической беспомощности», слабости и эклектичности трудов, поверхностном эмпиризме, «отражающем состояние науки 1840-х гг.», в «механическом сочетании с принципами теории факторов исторической эволюции», в «вульгарном плюрализме» и даже в русском национализме и «шовинизме»³⁰.

Начавшаяся травля больно задела самолюбие Бузескула. Но положение еще более усугубилось после осенней сессии АН СССР 1930 г., ставшей для него последней. 2 октября 1930 г. на заседании Отделения гуманитарных наук харьковский профессор выступил с докладом «Французские историки 20-х годов XIX столетия и их отношение к революции 1830 г.». Доклад вызвал резкие нападки со стороны новоизбранного академика А.М. Деборина. «С тяжелым чувством выехал я из Ленинграда, – писал Бузескул Жебелёву. – Сессия оставила во мне гнетущее, удручающее впечатление, как своими общими постановлениями, общим положением дел Академии, так и в отношении меня лично. И неудача моего скомканного доклада, и грубое выступление одного из оппонен-

²⁸ ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 166. Л. 11 об.: письмо Жебелёву 9 марта 1930 г.

²⁹ Там же. Л. 23 об.: письмо Жебелёву 26 мая 1930 г.

³⁰ Буржуазные историки Запада в СССР (Тарле, Петрушевский, Кареев, Бузескул и др.) // Историк-марксист. 1931. Т. 21. С. 71–76. См. также: Классовый враг на историческом фронте. Доклады Г. Зайделя и М. Цвибака о Тарле и Платонове и их школах и прения на объединенном заседании Института истории при ЛОКА и Ленинградского отделения Общества историков-марксистов. М.–Л., 1931. С. 50, 58.

тов, и судьба моей книги, которая в сущности есть плод моей 50-летней работы и которая обречена на лежание под спудом, в архиве, но которую я по совести считаю не бесполезной, – все это я должен был перечувствовать. В итоге – нет желания в скором времени вновь побывать в Академии... Если бы я был уверен, что переход на пенсию может совершиться легко и скоро, я бы сейчас бы расстался с Академией навсегда... гнетущее впечатление на меня произвело не столько выступление акад. Деборина, сколько молчание Отделения. “Молчание – знак согласия”. Значит, мой доклад совершенно негоден; значит Отделение вполне разделяет оценку, данную ему Дебориным, и самый тон его»³¹.

С приходом в АН СССР коммунистов все больший вес стал приобретать Редакционно-издательский совет, который руководил издательской политикой Академии и мог аннулировать постановления отделений и Общего собрания о публикации трудов академиков. Вновь избранный в 1930 г. академиком историк-марксист В.П. Волгин, ставший в том же году непререкаемым секретарем АН СССР, затребовал рукопись второй части книги Бузескула к себе. Узнав, что руководство АН СССР хочет снабдить вторую часть редакционным предисловием, автор не возражал, так как иначе книга могла вообще не выйти – «...хотят обезвредить книгу и себя выгородить, ибо ожидают травли: ведь в моей книге нет требуемого “подхода”, и речь идет о многих одиозных лицах (Евг. Викт. [Тарле. – *И.Т.*], Никод. Павл. [Кондакове. – *И.Т.*], Мих. Ив. [Ростовцеве. – *И.Т.*] и т.д. А такие предисловия теперь нередкий прием...»³². Тягостное впечатление на Бузескула произвело решение руководства издательства АН СССР существенно сократить текст второй части, где идет речь об ученых-эмигрантах и репрессированных историках, но автор вынужден был пойти на это, чтобы спасти книгу в целом³³.

Не видя особого желания непременно секретаря В.П. Волгина выпустить третью, заключительную часть в Издательстве АН СССР, Бузескул предпринял шаги для ее напечатания во Всеукраинской АН, куда направил соответствующий запрос, но надежды напечатать ее в издательстве АН в Киеве оставалась ничтожной: «Византия не в “авантаже” теперь»³⁴. 16 декабря 1930 г. автор неожиданно получил сообщение о возможности публикации книги в издании ВУАН. В тот же день он написал письмо В.П. Волгину, прося сообщить, «...есть ли твердая надежда на издание третьей части моей работы Всесоюзною Академией хотя бы через год. Если есть, я откажусь от издания украинского (естественно, я предпочел бы видеть окончание моей книги на русском языке и в том же издании, в каком появилась 1-я часть и имеет выйти 2-я). Если такой надежды не имеется, я представлю последнюю часть своего труда в Украинскую Академию наук для напечатания его»³⁵. 23 января 1931 г. Бузескул отправил сокращенную рукопись в Киев для перевода на украинский язык. Ранее автор пересмотрел текст третьей части, «...дабы придать больше цельности и полноты этой части, как отдельной книги; с другой стороны я сократил страницы, посвященные трудам по истории византийской церкви, по понятным причинам [...] Не скрою, что я не совсем уверен в осуществлении украинского издания. Боюсь, что момент упущен»³⁶.

В письмах к С.А. Жебелёву весной 1931 г. Бузескул вновь поднял вопрос о своем уходе из Академии: «Получил “проект планирования” работ Академии. Признаться, мало в нем уразумел и вспомнил замечание Гамлета: “Слова, слова, слова!” Одно ясно... – индивидуальному творчеству теперь в Академии нет места. Волгин говорит, что число историков все сокращается и сокращается. Да, сокращается и, думаю, еще сократится. Я не оставил намерения покинуть Академию. Напротив, еще больше укрепился в нем.

³¹ ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 166. Л. 50 об.–51, 55; письма Жебелёву 8 октября и 10 ноября 1930 г.

³² Там же. Д. 167. Л. 12–13; письмо Жебелёву 23 января 1931 г.

³³ Там же. Л. 32, 35 об.: письма Жебелёву 4 и 16 апреля 1931 г.

³⁴ Там же. Л. 52 об.

³⁵ Там же. Ф. 2. Оп. 17. Д. 147. Л. 121–121 об.: письмо Волгину 16 декабря 1930 г.

³⁶ Там же. Ф. 729. Оп. 2. Д. 167. Л. 11 об.–12; письмо Жебелёву 23 января 1931 г.

Жду только удобного момента... названия “дезертир” я не опасуюсь. Думаю, что после 50-летней непрерывной работы... я имею право быть дезертиром. Да и кто назовет? Общественность и Президиум АН, вероятно, будут довольны, что одним “буржуазным” историком в академии стало меньше и что представляется такой удобный случай “старого ученого” заменить новым, молодым, что входит в программу, судя по речи (отчету) неперменного секретаря»³⁷.

Покинуть АН СССР В.П. Бузескул собирался сразу после выхода из печати второй части своей книги, но увидеть ее изданной ему так и не пришлось. Из-за резкого ухудшения здоровья он с трудом закончил просмотр корректуры, попросив С.А. Жебелёва взять на себя труд по читке корректуры окончания книги. Болезнь (рак желудка) резко обострилась после двух операций, проведенных в мае. 1 июня 1931 г. В.П. Бузескула не стало.

Вторая часть монографии Бузескула, сокращенная в местах, касающихся творчества репрессированных историков и эмигрантов, вышла в Ленинграде в том же, 1931 г. с предисловием В.П. Волгина, под редакцией и с послесловием С.А. Жебелёва. Третья часть по политическим мотивам ни в Всеукраинской АН, ни в Академии наук СССР так и не была опубликована³⁸. Тем не менее С.А. Жебелёв не терял надежды на издание третьей части. 25 апреля 1934 г. на заседании группы историков, экономистов и социологов АН СССР он сделал заявление «о желательности напечатания третьей и последней части труда покойного академика В.П. Бузескула», поддержанное коллегами. По его просьбе переданный в Киев машинописный русскоязычный оригинал полного текста третьей части был затребован у руководства Всеукраинской АН вдовой ученого Е.Г. Бузескул. Жебелёв получил рукопись из Харькова и немедленно подал соответствующее заявление в РИСО АН СССР. 26 мая вопрос об издании третьей части был рассмотрен на заседании Исторической комиссии АН СССР, которая постановила «отложить печатание». Сославшись на это решение, РИСО АН СССР также отказалось печатать книгу³⁹. Тогда Жебелёв направил свои усилия к изданию этого труда в Государственной академии истории материальной культуры, где с января 1934 г. он исполнял обязанности заведующего кафедрой истории античных колоний Причерноморья Института истории рабочего общества. В работе по подготовке рукописи к печати принимал участие его ученик А.И. Доватур. Но и эти надежды не увенчались успехом, так как после убийства С.М. Кирова в марте 1935 г. Доватур был арестован «как член контрреволюционной группы АБДЕМ» и «в порядке очистки города от социально чуждых элементов» выслан в Саратов⁴⁰. Сам С.А. Жебелёв скончался от голода в блокадном Ленинграде в декабре 1941 г., так и не успев выполнить моральные обязательства перед покойным другом.

Следующая безуспешная попытка издать третью часть относится к 1940–1950-м годам, когда византиноведение и славяноведение в СССР были частично реабилитированы и формально восстановлены в правах. Организатор Византийской группы Института истории АН СССР, создатель кафедры византиноведения на историческом факультете ЛГУ и один из инициаторов возобновления «Византийского временника» профессор М.В. Левченко 26 октября 1946 г. обратился с письмом в Институт истории АН СССР, предложив издать третью часть «Всеобщей истории...» В.П. Бузескула.

³⁷ Там же. Л. 25 об.–26, 30–30 об.: письма Жебелёву 13 и 25 марта 1931 г.

³⁸ Рукопись сокращенного украинского перевода третьей части сохранилась в Киеве: Институт рукописи Центр. научн. б-ки им. В.И. Вернадского НАНУ. Ф. X, ед. 14521 (303 с., окончательный экземпляр машинописного текста украинского перевода с правками и вписанными от руки иностранными названиями, 1931 г.); ед. 14522 (303 с., не правленный экземпляр перевода).

³⁹ ПФА РАН. Ф. 825. Оп. 1. Д. 19. Л. II, III.

⁴⁰ Васильев А.Н. Аристид Иванович Доватур. Документальное наследие ученого в архиве Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН. СПб., 2000. С. 5. По сообщению А.В. Васильева, в личном фонде А.И. Доватура в СПБ ИИ РАН следов работы ученого над третьей частью труда В.П. Бузескула не сохранилось.

«Весьма желательно подвести итоги того, что сделано в этой области русской наукой. Я считал бы только необходимым, чтобы раздел “изучение славянского мира во второй половине XIX и начале XX века” перед сдачей в печать был просмотрен еще членом-корреспондентом АН СССР В.И. Пичета». Инициатива М.В. Левченко встретила поддержку ведущих историков АН СССР. Подготовка тома к печати была поручена Ленинградскому отделению Института истории АН СССР и Архиву АН СССР, где хранилась рукопись. Редакцию текста взял на себя близкий друг С.А. Жебелёва и коллега В.П. Бузескула по Отделению историко-филологических наук академик-арабист И.Ю. Крачковский. Основная часть черновой работы по подготовке книги была возложена на старшего научного сотрудника византийской группы ЛОИИ АН СССР Н.С. Лебедева. В 1951 г. И.Ю. Крачковский скончался, так и не увидев третьей части труда Бузескула напечатанной. Н.С. Лебедев продолжал работу над томом вплоть до 1957 г., но в русле идеологических установок того времени им были произвольно сокращены части текста с упоминанием оценки трудов русских ученых в западноевропейской научной литературе (в том числе библиография работ русских ученых-эмигрантов) и раздел о трудах историков церкви. 28 марта 1957 г. состоялось заседание Ученого совета Института истории АН СССР, на котором З.В. Удальцовой был сделан доклад о труде В.П. Бузескула и в сокращенном виде текст труда был утвержден к печати.

Однако и эта попытка издания третьей части была обречена на провал – именно в это время ведущие историки страны участвовали в подготовке коллективных «Очерков истории исторической науки в СССР» (М., 1955–1985. Т. 1–5). Авторы этого труда так или иначе использовали как опубликованные части, так и рукопись неизданной третьей части книги В.П. Бузескула прежде всего как источник историко-научной и библиографической информации. Об этом косвенно свидетельствует «Отзыв» на рукопись третьего тома, подписанный 28 июля 1956 г. известным московским специалистом по историографии всеобщей истории Б.Г. Вебером. «Хотя работа эта написана не с марксистских позиций, – писал рецензент, – она, как и две предыдущие ей части, содержит большой фактический материал и может служить хорошим справочником историографическо-библиографического характера. Издавать сейчас только третью (неопубликованную ранее) часть, по моему, нецелесообразно, так как первая и вторая части стали уже библиографической редкостью. Стоит, как мне кажется, поставить вопрос о новом издании всей работы целиком с соответствующей вводной статьей об акад. В.П. Бузескуле и о данном его труде. Я лично считаю, что это было бы очень целесообразно. Авторы соответствующих статей для второго тома “Очерков истории исторической науки в СССР” с пользой для себя могли бы ознакомиться с этой рукописью, хотя, как мне кажется, она им известна (З.В. Удальцовой и С.А. Никитину)».

Наконец, спустя еще 30 лет, в 1989 г., после знакомства с обширной и интереснейшей перепиской С.А. Жебелёва и В.П. Бузескула, я загорелась идеей переиздания «Всеобщей истории...» по авторским рукописям, т.е. без цензурных изъятий и купюр. Благодаря издательскому гранту РГНФ книга академика В.П. Бузескула спустя 75 лет после создания возвращается к читателю в полном виде⁴¹. Своим последним трудом В.П. Бузескул демонстрирует потомкам образец историографического исследования высочайшего уровня. В книге, не имеющей аналогов в отечественной историографии, предстает широкая, обстоятельная картина становления и развития отечественной всеобщей истории не только за XIX и начало XX в., как указано в авторском названии, а фактически начиная с

⁴¹ Недавно в Киеве опубликованы две первые части «Всеобщей истории...» по изданиям 1929 и 1931 годов, первая часть предваряется вступительной статьей Л.В. Матвеевой «В.П. Бузескул – историк своего времени» (с. 7–69). См. *Бузескул В.П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. В 2-х ч. / ИАНУ; Ин-т востоковедения. Киев, 2004. Ч. 1. 318 с.; Ч. 2. 272 с. (Научное наследие востоковедов). Издание, отличающееся небрежностью и массой ошибок, снабжено именными указателями, но в нем не выверены ссылки, не раскрыты сокращения в библиографическом описании, отсутствуют научные комментарии и т.п.

XVIII в., с момента основания Петербургской академии наук, вплоть до конца 1920-х годов. Первая часть посвящена начальному этапу науки всеобщей истории в России (до 60–70-х годов XIX в.); вторая содержит русскую историографию истории Западной Европы в эпоху средневековья и нового времени, а также классического Востока и древнего мира в пору расцвета отечественной исторической науки на рубеже XIX–XX веков; третья часть включает обзор византиноведения и славяноведения за тот же период.

Книга, ставшая, по выражению Л.А. Ельницкого, «лебединой песней» В.П. Бузескула⁴², не только анализирует основные исторические труды и приводит их исчерпывающую библиографию, но и подводит итоги развития дореволюционной русской исторической науки, показывает ее значительный вклад в развитие мировой научной мысли. Оригинальные черты отечественной науки объясняются автором прежде всего дистанцией между русским исследователем и самим предметом и объектом исследования – всеобщей историей Европы и древнего Востока, так как русские ученые находились в позиции наблюдателей и оставались вдалеке от политической, классовой, национальной и вероисповедной борьбы, которая так или иначе воздействовала на западноевропейскую историческую мысль. Русская наука обогатила мировую историографию всеобщей истории оригинальной постановкой проблем, решением ряда важных вопросов, ускользавших от внимания их западных коллег. В.П. Бузескул попытался выявить пути и формы рецепции западных идей в России и проследить возвращение их в мировую историографию в трансформированном и обогащенном русской мыслью виде.

Обращает на себя внимание интерес В.П. Бузескула к личностям ученых, особенностям их научного склада, к образованию и функционированию научных школ и направлений, их взаимовлияниям. При этом его оценки, чуждые полемического задора, свидетельствуют о толерантном отношении к различным общественно-политическим воззрениям ученых, уважительном и объективном отношении к представителям разных научных школ, придерживавшихся различных методологических воззрений и несхожих взглядов по конкретным научным вопросам. Судьбы историков, их взаимоотношения с коллегами, мнения современников остаются в центре внимания автора на протяжении всего изложения. Последнее обстоятельство выгодно отличает монографию В.П. Бузескула от многих современных нам безликих историографических обзоров. Именно такой подход к изучению истории науки В.П. Бузескулу ставили в вину в начале 1930-х годов, но для современного читателя он представляет исключительный интерес. Фигуры крупнейших отечественных историков, таких например, как Т.Н. Грановский, Н.И. Кареев, П.Г. Виноградов, И.В. Лучицкий, В.Г. Васильевский, Ф.И. Успенский, со страниц В.П. Бузескула встают в полный рост.

Последняя монография Бузескула в полной мере доносит до нас его взгляды на историю, ее место и роль в общественной жизни страны. Очевиден принципиальный отказ автора заниматься «переоценкой ценностей» в области своей специальности в угоду политической конъюнктуры, пропаганда академических идеалов свободы науки, стремление к сохранению профессионализма и преемственности научных традиций. Нельзя вместе с тем не заметить, что на Бузескула определенное давление оказывала политическая ситуация своего времени, что вынуждало его обходить «острые углы», пойти на неизбежные сокращения второй и третьей частей и дать в них ссылки на труды историков-марксистов. И тем не менее монография Бузескула – своего рода ответ насаждаемому властями того времени неуважению к национальной культуре, отечественной науке и ее традициям, протест против идеологического диктата и поддержки псевдонаучных теорий.

Необходимо подчеркнуть и замечательные литературные достоинства книги Бузескула. Его живое, образное изложение отличается полнотой, ясностью и простотой. Язык являет собой лучший образец русского литературного стиля, каким умели писать выдающиеся историки начала XX в. Рассказу Бузескула присуща также удивительная «культурная полнота»: смелые, но вполне уместные выходы в смежные области исто-

⁴² Е[льницкий] Л.А. Памяти академика В.П. Бузескула // ВДИ. 1946. № 4. С. 172.

рии, философии и художественной литературы, особая насыщенность идеями или реминисценциями идей, характерных для интеллектуального движения в России начала века. У В.П. Бузескула был вкус не только к историческому факту – к книге или личности, но и к тем общим течениям, в русле которых этот факт существовал. Для примера можно указать на те разделы, где говорится о внимании русских ученых-новиков к судьбам «старого порядка» во Франции и к последующей Великой Французской революции, о характерных для отечественных исследователей увлечениях темой русско-византийских отношений, судеб греческого православия и т.п.

«Не только книги, но и люди имеют свою судьбу; не ко всем она благоволит, и история не всегда справедлива, не всегда соблюдает правило: “каждому свое”. Одних возвеличивает, о других забывает»⁴³. Эта формула, высказанная В.П. Бузескулом в письме к С.А. Жебелёву, как ни парадоксально, оказалась применима к посмертной судьбе научного наследия ее автора. Публикация в полном виде последнего фундаментального историографического труда академика В.П. Бузескула в год его 150-летнего юбилея – один из шагов в пропаганде нереализованного богатейшего наследия русской исторической науки.

THE FATE OF V.P. BUZESKUL'S BOOK «WORLD HISTORY
AND RUSSIAN HISTORIANS IN THE 19th AND EARLY 20th CENTURY»
(150th Burth Anniversary)

I. V. Tunkina

This is the story of the last large-scale work by the well-known Russian historian, written in the late 1920s and early 1930s but not published in the full version during his life for ideological and political reasons. The author of the article draws on archive materials (in the first place, Buzeskul's vast correspondence) to give a detailed account of how the monumental work was made. She evaluates the objective importance of the book, analyses the methods employed therein and describes the complicated and tragic circumstances it was written in, as well as the reasons why its publication was delayed. The new full edition of Buzeskul's book prepared by the author of this article is an important contribution to a fuller study of Russian historiographical heritage.

⁴³ ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 162. Л. 4 об.